

Н. Ю. АЛЕКСЕЕВА

Державинские оды 1775 года (К вопросу о реформе оды)

Оды 1779 г. «На смерть князя Мещерского», «Ключ» и «На рождение в Севере порфирородного отрока» обозначили в русской поэзии один из самых значительных ее рубежей. Они явились результатом и первым образцом так называемой «державинской реформы оды». Реформа эта, как известно, заключалась в смешении стилей (а значит, и жанров) в рамках одной, свободной по форме, теме и стилю оды, отличающейся богатством интонаций и возможностью самовыражения в новом, современном нам, смысле. По существу, державинская реформа касалась не только отдельного жанра, а заключалась в перевороте, постепенно приведшем к обновлению всей поэтической системы в целом.

В рассуждении того, что привело Державина к этому решительному и счастливому перелому, исследователи, как правило, опираясь на позднее признание самого поэта: «<...> он хотел подражать Ломоносову <...> хотел парить, не мог выдерживать постоянно красивым набором слов <...> а для того избрал свой совсем особый путь <...>»,¹ — видят становление державинского таланта в борьбе и взаимодействии с различными течениями в рамках отечественной поэтической традиции. Так, Я. К. Грот находил в ранних одах Державина рудименты од Ломоносова,² а Г. А. Гуковский с наименьшим основанием связывал раннюю державинскую поэзию с влиянием сумароковской школы.³ Конечно, в этой связи должен быть упомя-

---

¹ Записки Державина // Сочинения Державина / С объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1871. Т. 6. С. 443. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома римской цифрой и страниц — арабской.

² В примечаниях к одам Державина Я. К. Грот стремится выявлять все реминисценции и цитаты из од Ломоносова (см., например: III, 241—243, 262).

³ Гуковский Г. А. Первые годы поэзии Державина // Гуковский Г. А. Русская

нут и В. П. Петров, на шумевшие оды которого несомненно оказали влияние на начинающего поэта, и целый ряд второстепенных поэтов, из которых сам Державин называл Ф. А. Козловского, «более других ему нравившегося по легкости слога» (VI, 443).

Между тем сложность вопроса о раннем творчестве Державина не уменьшает интереса к нему исследователей, скорее напротив. В последние годы можно констатировать некоторое даже возрастание этого интереса,⁴ что совершенно оправданно, так как лишь пристальное исследование раннего периода творчества поэта может пролить свет на феномен зрелого Державина и совершенный им переворот в русской поэзии.

Центральное место в раннем творчестве Державина занимает небольшая книжечка «Од, переведенных и сочиненных при горе Читалагае», изданная при Санкт-Петербургской Академии наук в начале 1776 г. Особая роль од, собранных в ней, определяется как самим фактом их тиснения (из произведений Державина до 1778 г. опубликованы были только они да еще ода «На всерадостное бракосочетание»⁵), так и тем вниманием, которым они были окружены в последующие годы со стороны самого поэта и его почитателей. Во всяком случае, нам известна поздняя характеристика И. И. Дмитриева, находившего в этих одах «при некоторых недостатках <...> замашку врожденного таланта и главные свойства его: благородную смелость, строгие правила и резкость в выражениях».⁶ В другом месте он говорит, что уже и в них Державин «карабкался на Парнас» (III, 273). Почти ту же оценку повторяет через сто лет биограф и интерпретатор Державина В. Ф. Ходасевич, увидевший в создании двух из «Читалагайских од» — «На Великость» и «На знатность» — решающий момент восхождения Державина: «Эти две оды — первые тяжкие камни, которые в жару вдохновения и в трудовом поте, надрываясь, вскатил он на темя Читалагая — для

поэзия XVIII в. А., 1927. С. 183—201.

⁴ Так, Г. Н. Ионин предпринял большую текстологическую работу по восстановлению ранних редакций «Песней» Державина конца 1760-х начала 1770-х гг. и посылал им ряд страниц своей статьи «Творческая история «Анакреонтических песен» (см.: *Державин Г. Р.* Анакреонтические песни. М., 1987. С. 303—310). В этой же книге опубликованы эти ранние песни (См.: Там же. Дополнения. С. 143—160.). Ранние оды Державина стоят в центре внимания американской исследовательницы Дж. Харрис (21 мая 1992 г. в Пушкинском Доме ею был прочитан доклад: «Первая державинская ода Екатерине (1767)»). Интерес к ранним одам отражают и издания Державина. Впервые со времени издания Я. К. Грота увидели свет две «читалагайских» оды — «На Великость» (*Державин Г. Р.* Стихотворения. Л., 1985) и «На знатность» (*Державин Г. Р.* Оды. М., 1977).

⁵ Ода на всерадостное бракосочетание их императорских высочеств, сочиненная потомком Атиаллы, жителем реки Ра. СПб., 1773.

⁶ *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь // *Дмитриев И. И.* Сочинения. СПб., 1893. Т. 2. С. 52.

своего памятника. То срываясь и падая, то достигая совершеннейшей точности, то дико косноязычествуя, Державин карабкается на Парнас». ⁷ В. Ф. Ходасевич же первым обратил внимание на роль переводных од сборника при создании оригинальных. ⁸

Книжка «Читалагайских од» объединяет четыре «переведенные» и четыре «сочиненные» оды. Необычность состава сборника вполне соответствует самой истории создания произведений, включенных в него. Уже заглавие книжки указывает на то, что оды, помещенные в ней, связаны местом, а значит, и временем их написания. При горе Читалагае, в колонии Шафгаузен под Саратовом, Державин дважды вынужденно останавливался во время своих активных действий по «поимке» Пугачева: весной 1774 г. и весной 1775 г. Хотя времени и обстоятельствам создания читалагайских од посвящена специальная работа Я. К. Грота, ⁹ позволим себе привести здесь некоторые уточнения. По всей вероятности, работа над одами велась в оба пребывания Державина в Шафгаузене. Весной 1774 г. (Державин находился там с апреля по июнь) с большой долей уверенности можно датировать две оригинальные оды сборника «на случай». Одна из них — «На смерть генерал-аншефа Бибикова» (А. И. Бибилов умер 9 апреля 1774 г., Державин узнал об этом 2 мая), другая — «На день рождения ее величества». Содержание последней оды указывает на то, что она была написана в разгар пугачевской войны и до заключения Кучук-Кайнарджийского мира (10 июля), т. е. тоже в 1774 г. День рождения Екатерины 21 апреля. Скорее всего, Державин начал готовить свою поздравительную оду до самого дня рождения, тогда она — первая по времени из читалагайских од. Из четырех оригинальных од она, несомненно, представляет наименьший интерес, мало чем отличаясь от писавшихся тогда в большом количестве од «на случай» ¹⁰ и от своих старших сестер — двух дошедших до нас од — «Екатерине» (1767) и «На всерадостное бракосочетание <...>» (1773). Второй по времени создания стала ода «На смерть Бибикова». Она могла быть написана в промежутке времени от 2 мая по июнь (в первых числах июля Державин отправился в Саратов (VI, 488)). Эта ода замечательна тем, что почти без изменений включена поэтом в собрание своих «Сочинений» 1808 г. Это, действительно, может быть, одно

---

⁷ Ходасевич В. Ф. Державин. М., 1988. С. 102.

⁸ Там же.

⁹ Грот Я. К. «Читалагайские оды» Державина // Библиографические записки. 1859. № 16. С. 481—495.

¹⁰ Заметим, что в 1774 г. не было опубликовано ни одной оды на день рождения Екатерины (сведение почеркнуто из «Сводного каталога русской книги XVIII века. 1725—1800. М., 1962—1966).

из самых ярких произведений раннего Державина. Оригинальность формы (она написана белым пятистопным ямбом),¹¹ скорбные интонации, искренность переживания делают эту оду близкой к элегии. И лишь строгость композиции, одическая строфика оставляют за ней право зваться одой. Этот первый опыт Державина в смешении разных стилей (в данном случае элегического и одического) говорит о том, что начинающего поэта, повидимому, тяготила вполне не дававшаяся ему традиционная форма оды, и весной 1774 г. осознанно или случайно он вступил на путь поиска новой одической формы.

Осень и зима 1774—1775 гг. прошли для Державина в хлопотах, болезнях, обидах и разочарованиях. К литературному труду он вернулся весной 1775 г., будучи вновь заброшенным судьбой в известный уже Шафгаузен. Тогда-то и начался новый, принципиально иной этап работы над «Читалагайскими одами». Две оды 1774 г. не представляют единства — неизвестно, увидели бы они свет, если бы не были написаны и переведены оды 1775 г. Основанием для датировки служат строки оды «На знатность», восхваляющие П. А. Румянцева — победителя турок («Отечеству Румянцев друг <...> / Велик, что в нем геройский дух, / Но боле, что Восток спокоен / И Север стал его рукой» (III, 297)). Они относятся, по-видимому, к тому периоду, о котором сам Державин писал: «пробыл всю весну и небольшую часть лета 1775 года в колониях праздно» (VI, 521). О значении, которое придавал Державин одам 1775 г., можно судить по композиции сборника. За четырьмя переводными одами следуют две оригинальные, написанные в подражание им, «На Великость» и «На знатность». Эти шесть од образуют ядро сборника, к которому прилагаются оды 1774 г.: «На смерть Бибикова» и первая по времени, но последняя по достоинству и расположению в сборнике «На день рождения ее величества».¹²

---

¹¹ Как раз в это время шли споры и проводились эксперименты, связанные с обновлением стиха; одним из центральных вопросов стал вопрос о роли рифмы. Так, А. П. Сумароков в том же 1774 г. написал оду белым пятистопным ямбом Г. А. Потемкину (см.: *Сумароков А. П. Избр. произв. А., 1957. С. 79—81*). Она находится в непосредственной связи с «Уведомлением» к эпиграмме «Окончится ль когда парнасское ропанье?...» того же года (резолюция о напечатании оды и эпиграммы сделана в один день: 24 сентября 1774 г. — см.: *Берков П. Н. Примечания // Сумароков А. П. Избр. произв. С. 523, 552*). «Уведомление», относящиеся главным образом к Г. А. Потемкину и к полемике с ним о роли рифмы, содержит общее рассуждение о рифмованном и нерифмованном стихе. (см.: *Сумароков А. П. Избр. произв. С. 553*). Как видим, Державин одой Бибикову на полгода упредил Сумарокова, возможно и не подозревая о вездущихся спорах.

¹² Я. К. Грот придерживался иного мнения: лучшей одой он признавал «На день рождения Екатерины», прибегая в своей аргументации, как и мы, к принципу расположения од в сборнике, но трактуя его иначе — см.: *Грот Я. К. «Читалагайские оды» Державина. С. 486*.

Поводом для литературных занятий 1775 г. послужила небольшая книжка «Vermischte Gedichte». Скусающий молодой офицер Державин взял, вероятно, ее у своих хозяев-немцев или соседей по немецкой колонии. Как бы там ни было, но он принялся из нее переводить. Много позднее источником переводных читалагайских од он называл книгу «Беспечный философ».¹³ Так по-русски обозначали сборник Фридриха Великого «Oeuvres diverses du philosophe de Sans-Souci». И был неточен. Лишь спустя десятилетия Я. К. Грот при внимательном чтении переводных од удостоверился, что Державин переводил с немецкого.¹⁴ Я. К. Гроту не было тогда еще известно существование немецкого перевода «Беспечного философа», но именно к его поискам он обратился. Один из экземпляров «Vermischte Gedichte» отыскал вскоре на казанском рынке Н. Н. Булич. «Vermischte Gedichte» оказались прозаическим переводом «Poésies diverses»,¹⁵ полностью повторяющим состав и последовательность французского оригинала: одиннадцать од, стансы (парафраз проповеди Соломона),¹⁶ 20 писем и поэма «Die Kriegskunst» («L'art de la Guerre»).

Таким образом, перед Державиным была тяжелая немецкая проза. На титульном листе значилось, что это перевод с французского, в предисловии Х. Ф. Фосса прозрачно намекалось, что автор этих сочинений — некогда принц, а ныне король; настоящее имя автора при этом не называлось. Едва ли Державин не догадался, что в руках у него перевод произведений Фридриха Великого. Довольно подробно описав книжку, найденную Н. Н. Буlichem, (это берлинское издание 1760 г.), Я. К. Грот допускает, что именно она могла попасть к Державину, так как на этом экземпляре стоит владельческая подпись одного из его знакомых (III, 272). Если Державин действительно имел дело с этим изданием, его поздняя отсылка к книге «Беспечный философ» вызывает некоторое недоумение: здесь ни о каком философе из Сан-Суси речи нет, и его авторство на титуле не значит. Между тем было другое издание, вернее переизда-

¹³ Остолопов Н. Ф. Ключ к сочинениям Державина. СПб., 1822. С. 13.

¹⁴ Грот Я. К. «Читалагайские оды» Державина. С. 485—487.

¹⁵ Я. К. Грот неточно называет книгу оригинальных текстов Фридриха: Poésies diverses du philosophe de Sans-Souci (1760) (III, 272); по-видимому, он контаминирует заглавия сборников Фридриха. Известны следующие сборники: «Oeuvres diverses du philosophe de Sans-Souci» ([S. L.], 1761; Berlin, 1762); «Oeuvres du philosophe de Sans-Souci» (au Donjon du Chatleau, 1750. 3 T.; [S. L.], 1752; Potsdam, 1760; [S. L.], 1760), «Poésies diverses», Berlin, 1760 — под таким заглавием в том году в Берлине вышло 3 разных издания) и «Poésies diverses du Roi de Prusse» (Berlin, 1760).

¹⁶ На самом деле это парафраз Екклесиаста.

ние, «Vermischte Gedichte», судя по всему не известное Я. К. Гроту, осуществленное в 1761 г. в Потсдаме. Оно отличается от издания 1760 г. лишь названием, в котором как раз указывается авторство «великого философа из Сан-Суси» («Vermischte Gedichte des grossen Philosophen zu Sans-Souci. 2 Th. Potsdam, 1761»).¹⁷ Неизвестно, каким из изданий пользовался Державин. Для творческой истории «Читалагайских од» это представляется важным, так как, имея в руках берлинское издание, Державин мог отождествить «Vermischte Gedichte» с «Беспечным философом» не сразу, а может быть, лишь годы спустя. Но и потсдамское издание мало что проясняло — ведь «беспечный философ» достаточно вольная передача «philosophe de Sans-Souci». Определить, что за книга была у него в руках, и кто ее автор, уже в 1775 г., т. е. в момент работы над сборником, могла помочь Державину русская книга, скорее всего ему известная. В 1767 г. вышел перевод-переложение В. И. Майкова «Военная наука», первое в России обращение к поэтическому творчеству прусского короля. Державин мог вспомнить о нем, узнав его в немецкой прозе «Die Kriegskunst», и установить для себя, таким образом, общий источник немецких переводов и перевода Майкова. Во всяком случае, его позднее указание на книгу «Беспечный философ» полностью совпадает с майковским, заглавие книги которого: «Военная наука. Из книги Беспечный философ, сочинения е. в. короля прусского. Стихи Василия Майкова». Трудно сказать, тогда или позднее уяснил для себя Державин оригинал переводимой им книги, как нельзя сказать, заимствовал ли он передачу литературной маски Фридриха у Майкова или она бытовала независимо, без авторства. Следует отметить еще один факт, уже совсем иного плана. «Военная наука» была посвящена А. И. Бибикову, боль утраты которого была еще свежа у Державина. А. И. Бибиков был автором перевода «L'art de la Guerre», позднее переложенного Майковым в стихи. В 1770 г. А. И. Бибиков был отличен Фридрихом, пользовался явным его расположением и состоял в переписке с прусским королем.

Обнаруженный Я. К. Гротом немецкий источник переводных читалагайских од предоставил возможность критического рассмотрения проделанного Державиным труда, без чего не может быть ни понято, ни оценено явление «Читалагайских од». Из одиннадцати од сборника «Vermischte Gedichte» Державин перевел лишь четыре. Сам их выбор (это 1, 3, 4 и 9 по счету оды в немецкой книжке)

---

¹⁷ Есть еще издание на немецком: «Werke des Philosophen v. Sans-Souci» ([S. L.]), но в нем отсутствует одна из од, переведенных Державиным.

может многое рассказать о литературных пристрастиях и вкусах начинающего поэта. В книгу «Poésies diverses», были включены литературные упражнения прусского принца, а затем короля. Разносторонне одаренный, сам он, судя по всему, придавал им довольно важное значение, но его корреспондент и в какой-то мере наставник Вольтер только смеялся над ними.¹⁸ Постепенно, от издания к изданию,¹⁹ первоначальный сборник «Oeuvres diverses...» пополнялся новыми произведениями. Издание 1760 г. стало источником немецкого перевода. Таким образом, «Poésies diverses» (1760) как и «Vermischte Gedichte» отражает разные этапы творчества Фридриха.

Одиннадцать од сборника легко распадаются на три основные группы. К первой принадлежат оды «An die Verleumdung» (1760)²⁰ «Die Standhaftigkeit» (1740), и «Die Schmeichelei» (1740); ко второй — оды «на случай»: «Der Krieg von 1747» (1760), «Die Erneuerung der Akademie» (1748) и «Die Nordischen Unruh» (1749); и наконец, третью группу составляют оды, адресованные известным лицам из окружения Фридриха: «An Maupertuis» (1749), «An den Grafen von Brühl» (1749) и «An Voltaire» (1751). Все они имеют подзаголовки, состоящие из сентенций в духе горацианства: «жизнь есть сон», «не следует полагаться на будущее», «в виду приближающихся старости и смерти необходимо принять решение», ода графу фон Брюлю даже обозначена как подражание Горацию. Несколько в стороне стоит ранняя ода «An Gresset» (1740). Первая группа од, таким образом, — самая ранняя по времени; в связи с подготовкой нового издания к двум одам-близнецам Фридрих добавляет третью — «A la Calomnie» («An die Verleumdung»). Оды второй группы представляют некий средний этап, к ним также ретроспективно добавляется ода «Sur la Guerre de MDCCXLVII» («Der Krieg von 1747»), посвященная событиям тринадцатилетней давности. Не исключено, что обе оды, датированные в «Table chronologique» 1760 г. были задуманы, а может быть, и начаты значительно раньше (так, «A la Calomnie», возможно, в 1740 г., а «Sur la Guerre» — в 1747—1748 гг.). Последняя группа од — позднейшая

---

¹⁸ Вольтер. Мемуары // Сочинения Вольтера. СПб., 1914. Т. 1. С. 7, 8, 27, 29. См. также: Переписка Фридриха Великого, короля Прусского с господином Вольтером. 1736—1778. СПб., 1816. Ч. 1. С. 45.

¹⁹ О них см. примеч. ?? на с. ???.

²⁰ Датировка приводится по: «Table chronologique générale des oeuvres de Frédéric le Grand et catalogue raisonne des écrits qui lui sont attribués // Oeuvres de Frédéric le Grand. Berlin, 1857.

по времени создания. Хронология этих од отражает весьма интересный процесс смены литературных ориентаций поэта из Сан-Суси.²¹

Вполне понятно, что Державин обходит вниманием оды, связанные с Берлинским двором и Семилетней войной, т. е. оды второй группы; не удивительно, вероятно, что он пропускает вторую по счету оду к поэту Грессе, едва ли для него актуальную. Тем не менее ошибочно, по-видимому, думать, что в своем выборе Державин руководствовался только тематикой. Такому взгляду мешает явная целенаправленность его выбора: он переводит все три оды первой группы, минует, как мы видели, вторую и из третьей группы гоцианских од, делая исключение лишь для оды «An Maupertuis». Так возникают четыре «переведенные» читалагайские оды: «На Ласкательство», «На Порицание», «На постоянство» и «К Мовтерпию». Можно было бы еще сомневаться в том, что именно оды первой группы стали средоточием державинского интереса 1775 г., если бы вслед за переводом он не создал в подражание им две оригинальные оды. Но он их создал, и основу сборника «Читалагайских од» составили оды образца «An die Verleumdung» — три переведенных прозой и две оригинальных — пять из восьми. Оды, взятые Державиным за образец, так сходны между собой по форме и содержанию, что напрашивается мысль, не созданы ли они сами по одному шаблону. Это сходство, а также специфичность творчества прусского короля, писавшего все-таки на чужом ему языке, французском,²² делают предположение о подражательном характере од Фридриха не таким уж безосновательным. В вероятности такого вывода убеждают нас и отзывы о поэзии Фридриха, принадлежащие Вольтеру, который с 1736 г. вынужденно курировал его музу. Вольтеру совершенно ясно, что Фридрих — эпигон французских поэтов.²³ Но более всего выдают себя сами оды: во всех трех, особенно в открывающей сборник «A la Calomnie» и в средней, «La Fermeté» (первой по времени из этой серии), без труда узнается знаменитая ода Ж.-Б. Руссо «A la Fortune».

---

²¹ Всего перу Фридриха принадлежит 25 од, остальные 14 не меняют общей картины одотворчества короля, вырисовывающейся из *Poésies diverses*.

²² Вольтер, поправляя стихи Фридриха, обращал между прочим внимание на языковые ошибки и стилистическую глухоту прусского поэта — см.: Переписка Фридриха Великого, короля Прусского с господином Вольтером. 1736—1778. Ч. 1. С. 45—46, 59.

²³ Вольтер. Мемуары. С. 29. Оценка Вольтера представляется тем более важной, что она — один из редчайших живых откликов на поэзию прусского короля. Критического разбора поэтического наследия Фридриха, как будто, сделано не было.

Ода, на которую проецируются фридриховы оды, имеет особое значение в истории одического жанра. Она появилась в 1712 г. как один из образцов оды нового типа. В эти годы Руссо охвачен стремлением продемонстрировать свое понимание оды как жанра, принципиально отличное от разделяемого его главным соперником одописцем А.-У. Ламоттом и литературной Францией.²⁴ Ламотт представлял так называемую рационалистическую линию развития оды, уже давно привычную во Франции (ее-то и хотел пресечь Н. Буало своей одой «На взятие Намюра» (1693), но безуспешно). Руссо, опираясь на знаменитое требование «beau desordre» («прекрасного беспорядка») Буало и толкуя его произвольно (к чему это требование неизбежно влечет), отрицал в построении оды какое бы то ни было рационалистическое начало, утверждая при этом, что «лирический энтузиазм» должен в оде господствовать над разумом.²⁵ По мнению Руссо, «beau desordre» достигается смешением разнообразных идей и тем, связуемых воедино небывало сильным лирическим напряжением. Ода должна имитировать вдохновенное размышление и чувство, а для того строгое логическое построение сменяется цепью ассоциаций и сентенций. Оды Руссо конца 1700х—начала 1710-х гг., построенные по новому принципу, произвели своего рода революцию в одическом жанре — рационалистическая ода была преодолена.²⁶ В этих одах нет ни драматического начала, ни описательности: портрет, пейзаж, картина боя или какие-либо другие картины в них отсутствуют.

Вдохновенный взор поэта не может остановиться ни на какой-либо детали, ни на картине — его торопит пульсирующая мысль, бьющая через край эмоции.

Основой для оды нового типа послужила торжественная ода. Усилив присущую ей энергию и лирическое напряжение, очистив от отступлений и описательности, Руссо превратил ее в страстный монолог. От торжественной оды новая ода наследовала и классическую одическую строфику (10-стишная строфа с восьмистишником; рисунок рифмы: ababcsee). «A la Fortune» в высшей степени воплотила в себе особенности и возможности новой оды, и с самого своего появления была встречена восторженным признанием.²⁷ Триумфу оды несомненно способствовало полное соответствие темы и нового способа выражения. Пылкое обличение Фортуны и пестуе-

²⁴ О творчестве Руссо см.: Grubbs H. A. J.-B. Rousseau. London, 1941.

²⁵ Ibid. P. 234—241.

²⁶ Ibid. P. 252.

²⁷ Grubbs H. A. The Vogue of Jean-Baptiste Rousseau // Publication of the modern Language Association of America. 1940. № 1. P. 153—158.

мых ею завоевателей давало возможность продемонстрировать богатство мыслей, чувств, интонаций. Привычная для моралистической, философской оды темы, попав в атмосферу новой оды зазвучала неузнаваемо — граждански страстно, философски трагично, изумив тем Европу и надолго оставшись любимым произведением французской поэзии.

К формальным особенностям оды «A la Fortune» относится редкое богатство риторическими фигурами: вопросы, восклицания, обращения, призывы — одно сменяет другое, поддерживая постоянное напряжение и давая этим оде необычайную энергию. Другая особенность состоит в насыщенности историческими примерами: апелляция к героям древности и нового времени — единственное, на что опирается в своих сентенциях поэт, к тому же они добавляют оде звучность. Обе эти особенности генетически восходят к торжественной оде, но ее ораторское начало и характерное для нее использование исторических примеров здесь сильно усугублено. Яркость оды «A la Fortune» и определенность ее приемов легко делали ее предметом подражания.²⁸

Самим выбором тем для своих од — клевета, стойкость и лесть — Фридрих определил для себя задачу не уклоняться далеко от французского образца. Ложности и ненадежности Фортуны посвящает свою оду Руссо, рассматривая перипетии судеб исключительно с точки зрения гражданского успеха. Славе, добытой насилием, противопоставляются добродетель, мудрость и стойкость. При этом Руссо обращается к Фортуне, естественно, как к божеству. Темы клеветы и лести решаются Фридрихом также в гражданском плане и несут в себе большие возможности для обличения и негодования, которые он и использует, персонифицируя, подобно Фортуне, лесть и клевету. Еще большее сходство в тематическом плане имеет ода «La Fermeté» («Стойкость»), она просто решается в тех же категориях, что и ода Руссо. Стойкость и величие души только и могут как-то противостоять жестокости судьбы. Однако при всем внешнем сходстве оды Фридриха внутренне далеки от «A la Fortune». Мир, предстающий в них, не рационально ясен, как у Руссо, а мрачен и обречен. Этому способствует, в частности, персонификация лести и клеветы. Вместо пусть жестокой, но любимой всеми Фортуны, его героини (заметим, что и во французском и в немецком языке эти слова женского рода) представляют собой страшных фурий. Используя приемы Руссо (отказ от логической композиции,

---

²⁸ Ibid. P. 156 Из русских подражаний известны оды В. И. Майкова «Счастье» (Утренний свет. 1777. Ч. 1. С. 159) и С. Г. Домашнева «На любовь» (Полезное увеселение. 1762. № 5. С. 141).

описательности, риторическое и интонационное богатство, насыщенность историческими примерами), Фридрих превращает свои оды в страстный монолог, именно этим, вероятно, и пленив Державина.

Сам по себе факт подражания Державина одам Фридриха замечателен. Русский поэт создавал оды, имея перед собой образцом немецкую прозу. Он должен был воссоздать в воображении эти оды в их поэтическом воплощении и уже этим мыслимым одам подражать. Задача, стоявшая перед Державиным, была трудна и оригинальна, возможно, даже не знала прецедента. Самым сложным и принципиально важным было найти стихотворную форму, соответствующую напряжению и страстности од Фридриха. Можно сказать наверняка, что ему был неизвестен французский оригинал, а значит, и подлинная форма этих од. Таким образом, он был совершенно свободен в выборе русского эквивалента. Не следует забывать, что для поэзии XVIII в. вопрос формы, прежде всего строфики и метра, имел особое значение. Жанровая определенность, естественно, касалась и формы: строфика, метр, рифмовка и т. п. получали благодаря этому максимально возможную семантику. Всякое отступление от жанрового канона было предельно явственным, и наоборот, всякое соответствие, аналогия свидетельствовали о многом. Поэтому никак нельзя недооценивать значение выбора Державиным строфики для своих од. Он остановился на одической строфе, правда восьмистишной, а не классической, 10-стишной. В некотором смысле выбор одической строфы естествен: ода должна быть классически оформлена. Однако мы знаем, что у него уже был опыт оды «На смерть Бибикова». Он, вероятно, мог и здесь как-нибудь модернизировать одическую форму; но не стал этого делать, угадав тем самым истинную форму оды нового для него типа.²⁹

Выбор строфы, а вместе с ней и метра — четырехстопного ямба, во многом определил успех оригинальных од Державина. Верно почувствовав особенность новой оды в богатстве риторических фигур, в насыщенности вопросами, восклицаниями, обращениями, он безошибочно использует их, опираясь на опыт торжественной оды. С тем же вниманием относится Державин и к другим формальным сторонам оды этого типа. Как и его августейший учитель, он избегает описательности (которая, впрочем, не особенно ему давалась и в ранних, еще «ломоносовских», одах), ее заменяют сентенции, обличения, поучения, подкрепляемые примерами из истории. Таким

---

²⁹ Заметим кстати, что из 11 од сборника лишь четыре, выбранные Державиным для перевода, были написаны классической одической строфой. Если это естественно для трех од образца «A la Calomnie», то форма оды «A Maupertuis», вероятно, простая случайность.

образом, его оды, как и у Руссо, как и у Фридриха, превращаются в страстный монолог, композицию которого определяет само движение мысли. Единство же оды при всем разнообразии ее материала достигается необыкновенно сильным лирическим напряжением. Только от своего лица, оставив какой бы то ни было элемент эпичности торжественной оде, один на один с миром, поэт может высказать всю правду о нем. Отсюда это волнение, этот «жар души», этот захлеб эмоциями и мыслями. В сущности, это еще одический восторг, но обновленный. Старый, классический восторг, связанный для нас прежде всего с именем Ломоносова, был результатом виденного: мысли и чувства рождались от величия окружающего мира. Восторг новой оды, напротив, рождается от погруженности в себя. Поэт занят сам собой и своим отношением к миру, а если и возникают картины, то они, как правило, навеяны размышлениями.

Рассматривая «великость» (величие души) и знатность, согласно требованиям оды этого типа, в ракурсе жизни государства и гражданина, Державин, подобно Фридриху, персонифицирует величие души. Примечательно, что он, следуя за Фридрихом, для своего божества выбирает женский род (не «величие», а «великость»), так создается новая «лучезарная» богиня, напоминающая Фортуну. Само раскрытие темы «великости» естественным образом восходит к оде «Die Standhaftigkeit» и тем самым — к оде «A la Fortune». Категории этих од: стойкость (постоянство), величие души и изменчивость судьбы в трактовке XVIII в. неразрывно связаны между собой. Оригинальность Державина проявляется в осмыслении этих категорий. Он не слепо следует за своими европейскими предтечами, а наполняет эти категории своим пониманием, опираясь в этом на русскую традицию. Для Державина главная опора человека, источник его «великости» и постоянства — Бог («Великость в человеке — Бог» (III, 290)), только с верой в сердце можно «противостать» всем превратностям судьбы. Понятно, что такое осмысление меняет звучание темы судьбы и постоянства. Эсхатологический хаос Фридриха, ясный и несколько плоский рационализм Руссо уступают место глубоко христианскому мировоззрению. В оде «На великость» Державин впервые пытается свести воедино категории разных систем: античной (в данном случае — судьбы) и христианской — задача, которую он будет решать на протяжении всей жизни. Таким образом, ода «На Великость» хотя и несет на себе явную печать оды Фридриха, по существу своему произведение вполне оригинальное.

То же, еще в большей степени, можно сказать об оде «На знатность». Хорошо усвоив принцип построения новой оды, используя основные ее формальные черты, в оде «На знатность» Державин

сделал следующий шаг, создав произведение самостоятельное и самобытное. Сама тема социальной несправедливости и мнимой ценности знатности как таковой, конечно, не имеет никаких источников в одах Фридриха, а основывается на русской традиции в сатирической литературе. Со свойственной ему смелостью Державин модернизирует доставшийся от Фридриха шаблон, отказывается от персонификации, избегает напыщенности и патетики, характерных для од Фридриха и в какой-то мере для оды «На Великость». Ода преобразуется: она становится проще и ровнее. Резкость и особая образность в обличении вводят в нее некоторый сатирический элемент (так, например, формула: «Калигула <...> не равен ли с своим скотом...» — общее место русской сатиры). Недаром именно ода «На Великость» легла в основу знаменитой поздней сатирической оды «Вельможа» (1794).

Родственность двух од, созданных при Читалагае, одам Фридриха подчеркивается заглавиями. Державин строит их по той же модели, что и Фридрих в своей первой по порядку оде «A la Calomnie», который в свою очередь заимствовал ее у Руссо. Французский предлог «а» в немецком языке «an», в русском — «к». Державин при переводе немецких названий намеренно неточен. Предлог «an» он передает как «на», искажая при этом смысл. «К Клевете» — точный перевод «An die Verleumdung», «На Порицание» переводит он. Еще более вольно обращается Державин с названиями других од. Он вводит в них недостающий предлог и строит их русские названия по одной модели. Так, «Die Standhaftigkeit» превращается в «На Постоянство», а «Die Schmeichelei» — в «На Ласкательство». Аналогично называет он и свои оригинальные оды. Такое своеволие в отношении заглавий (в переводе же самого текста он стремится к точности) показывает, что у Державина, вероятно, было свое мнение о том, как должны называться подобные оды. А это значит, что он был знаком с их русским аналогом.

Державин, конечно, знал и, вероятно, на память прославленный русский перевод оды «A la Fortune» Ломоносова. Вопрос только в том, насколько он осознавал принадлежность этой оды и од Фридриха к дному типу, более того, подражательность последних. Не исключено, что создавал и опирался в создании своих оригинальных од и на ломоносовский перевод. Возможно, этим объясняется, например, «постоянство», а не «стойкость» в переводе «die Standhaftigkeit».³⁰ Такой перевод может восходить к ломоносовской лексике («но с постоянством пребывает»)³¹ И державинская «ве-

³⁰ Это вызывало недоумение Я. К. Грота — См.: Грот Я. К. «Читалагайские оды» Державина. С. 489.

³¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 8. С. 665.

ликость», возможно имеет то же происхождение («Но пусть великостию сею...»).³² Сама тема оды «На знатность» как будто почерпнута из оды Руссо-Ломоносова и представляет собой пространную редакцию ее строфы:

Но пусть великостию сею
О титлах хвалятся своих,
Поставим разум в том судьбою
И добрых дел поищем в них.
Я вижу лишь одну безмерность,
Надменность, слабость и неверность,
Свирепство, бешенство и лесть.
Доброта странная! откуда
Из злости сложенному чуду
Дается оной должна честь?³³

Сближает державинские оды с ломоносовским переводом и тема обличения тиранства, которой не было, конечно, у Фридриха: «И царь, невинных утеснитель, — / Равно вселенной всей злодей! (III, 296), — заявляет Державин. «Одне ли приключенья злые / Дают достоинство Царям? / Их славе, бедствами обильной... ». ³⁴ — восклицает Ломоносов.

Доказательством возможной ориентации Державина на перевод Ломоносова может служить используемое им противопоставление Александра Македонского и Сократа:

Не тем велик в моих глазах
Попратель града Вавилона,
Что скипетры под ним лежат,
Но что, быть мнивши кубок с ядом,
Приял, не возмутился взглядом,
Яко божественный Сократ. (III, 292)

В свое время оно вызвало недоумение современников.³⁵ Спустя век, только на основании этого противопоставления Ш. Нодье заявил, что ода Руссо — подражание главе «О раскаянии» из «Опытов» Монтеня.³⁶ Используя в большинстве случаев исторические примеры Фридриха, обогащая свои оды лишь именами русских героев, Державин, упоминая Александра и Сократа, мог опираться на

³² Там же С. 662.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 663.

³⁵ Grubbs H. A. J.-V. Rousseau. P. 237.

³⁶ Нодье Ш. О подражании. Читайте старые книги. Кн. I. М., 1989. С. 86.

ломоносовские строки: «Себе Сократа вобразите / За Клитова убивца в ум <...> Тогда страшилище Эвфрата / Против венчанного Сократа / Последней будет человек».³⁷ О том, что это противопоставление ему хорошо знакомо, говорит полемическое осмысление позиции Александр — Сократ. Державин пытается примирить полководца и философа, уподобив первого второму. Эпитет Сократа «божественный» у Державина аналогичен ломоносовскому «венчаный».

Сближает оды Державина с переводом Ломоносова и интонация.

Таким образом, кажется небезосновательным предположить, что Державин при создании своих оригинальных од ориентировался одновременно и на немецкий прозаический перевод од Фридриха, и на ломоносовский перевод оды Руссо, так или иначе имея дело в конечном счете с одой «A la Fortune». Ориентация Державина на перевод Ломоносова сказалась, возможно, и в формуле названий. Перевод Ломоносова, появившийся в 1760 г. в «Полезном увеселении» вместе с альтернативным переводом той же оды Сумарокова, не имел русского заглавия. Но уже в отдельном издании этих переводов, книжке 1774 г., вероятно, не известной Державину,³⁸ он назван «На Фортуну». Скорее всего, такое название в литературном обиходе бытовало и раньше и было знакомо Державину. Само оно, достаточно вольное по отношению к французскому «A la Fortune», подчеркивает связь этой оды с одой торжественной, в названии которой, как правило, фигурирует предлог «на» («На победу...», «На рождение...» и т. п.).

Одами 1775 г. Державин сделал исключительно важный шаг по пути реформирования одического жанра. Вслед за Руссо он как бы взрывает изнутри форму торжественной оды, новым лирическим напряжением изменяя ее до неузнаваемости. Обновленный одический восторг позволяет говорить обо всем, что попадает в поле зрения поэта. В «жару души» в единое целое переплавляются темы торжественных и философских од, элегий, сатир. Это смешение жанров в рамках одной оды станет одной из принципиальных заслуг Державина перед русской поэзией. Но это будет замечено позже, начиная с 1779 г. Читалагайские же оды не привлекли особого внимания современников, в силу, вероятно, недостаточно художественной выразительности. В действительности, именно в них Державин впервые осуществил смешение жанров, создал, вернее воссоздал, на русской почве оду нового типа.

³⁷ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 664.

³⁸ Переводы из творений Жан-Батиста Руссо и г. Томаса. СПб., 1774.

Как ни странно, опыт 1775 г. не имел непосредственного продолжения. В последующие несколько лет Державин совершенно отходит от одического творчества и работает в жанрах легкой поэзии. Он вернется к оде лишь в 1779 г., и первой в ряду его триумфальных од будет «На смерть князя Мещерского».

Вместе с ней Державин впервые нашел русское воплощение гораианской оды. Вот тут-то, в работе над ней он, как, кажется, справедливо, указывает В. Ф. Ходасевич,³⁹ мог вспомнить и, скорее всего, вспомнил последнюю из переводных читалагайских од «К Мовтерпию». Ода «An Maupertuis» и две другие гораианские оды Фридриха из «Vermischte Gedichte», возможно, были первыми классическими гораианскими одами, с которыми столкнулся русский начинающий поэт. Тогда, четыре года назад, они, судя по всему, не вызвали у него особенного интереса. Он перевел лишь одну из них и, по-видимому, даже не делал попытки подражать им. Вероятно это связано с тем, что гораианская ода, в своем классическом европейском воплощении была слишком далека от литературных вкусов и опыта Державина 1775 г. Последующие четыре года все изменили. Вернувшись в столицу, Державин попадает в один из центров тогдашней литературной жизни, в кружок Н. А. Львова. Годы, проведенные в кругу друзей, стали заключительным этапом становления Державина. Этим годам он обязан не только очищением своего языка и стиля, удивительным совершенством версификации, но и, самое важное, расширением своего поэтического кругозора, формированием новых литературных вкусов и ориентаций. В эти годы в России как раз заметно возрастает интерес к одам Горация и гораианству со всем присущим ему комплексом идей, ценностей и вкусов. Литературные опыты 1775 г. подготовили Державина к восприятию гораианства: он знал его европейскую модификацию из «Vermischte Gedichte».

Возможно, что тип оды, над которым трудился Державин в Шафгаузене и который некогда ввел Руссо, был своего рода переходным моментом к гораианской оде нового времени. Сам Руссо достаточно скоро после своих успехов по усовершенствованию жанра одами конца 1700-х — начала 1710-х гг. в числе которых была «A la Fortune», создал французскую «гораианскую» оду и прославился как «Французский Гораций».⁴⁰ Непосредственный «учитель» Державина Фридрих, идя, возможно, по стопам знаменитого француза, также стал писать «гораианские» оды. Подобный путь совершил и Державин, надолго утвердившийся в сознании читающей публики «русским Горацием».

---

³⁹ Ходасевич В. Ф. Державин. С. 122—123.

⁴⁰ Grubbs H. A. J.-B. Rousseau. P. 277.

Действительно, тип оды, освоенный Державиным в 1775 г., та-
л в себе богатейшие возможности модернизаций жанра, в том
числе и гораціанской. Новый, очищенный лирический восторг дал
место в оде самому сложному синтезу размышлений и чувств, а так
же картин, навеянных ими. Непосредственным результатом этого
нового лирического восторга было смешение стилей, со всей выте-
кающей из него свободой языка, образов и т. п., а также, что не
менее важно, свободой в строфике и метрике. Все это привело в
последствии к разрушению оды и заменой ее стихотворением (вос-
торг же, как известно, сменился вдохновением).⁴¹

Много позднее, пытаясь определить жанр оды и его разновид-
ности в «Рассуждении о лирической поэзии», Державин выделяет, в
частности, «размыслительную» оду, относя к ней оду «На счастье» в
переводе Ломоносова, «Вельможу» (позднюю редакцию оды «На
знатность») и свою же оду «На коварство» (1790), созданную с
очевидной ориентацией на ломоносовский вариант оды «На счас-
тие» (в ней даже анафора сохранена: «доколе»). Таким образом, он
объединяет оды не только одного типа, но и созданные по единому
образцу. При этом им дается следующая характеристика: «В тако-
вых владычествует более всего дух и ум, нежели воображение и чув-
ствы; а потому картины в них редки или совсем не вместины. Они
наполняются паче глубокомыслием, или отвлеченными понятиями
<...> Гораций — неподражаемый в сем роде искусник». ⁴² Отсылка к
Горацию тут явно неуместна, ведь Державин не называет ни одной
оды Горация или «гораціанской» оды, но она вполне понятна и
чрезвычайно показательна. Державин ощущает близость «размысли-
тельного» типа оды к оде Горация или «гораціанской» оде, что для
него было в сущности одно и то же.

В другом месте «Рассуждения» Державин, давая общее опреде-
ление оды, для иллюстрации своего понимания жанра опять же
прибегает к оде «На счастье». Эта ода, по-видимому, была для него
эталонном жанра: «Ода или Гимн изображают только чувства сердца
в рассуждении какого-либо предмета, а не действия его. Где же ос-
танавливаются на действии, тут уже сближаются к Эпосе <...> До-
казывается сие одой „На счастье“, Жан-Баптиста Руссо, переведен-
ной г. Ломоносовым и Сумароковым. Последнего слог не соответст-
вует высокому содержанию подлинника» (VII, 522). Несмотря на
некоторое незначительное противоречие в характеристиках оды
Руссо (в первом ей отказывается в «чувствах», тогда как во втором

⁴¹ Пумпянский А. В. К истории классицизма: (Поэтика Ломоносова) // Кон-
текст—82. М., 1983. С. 313—317.

⁴² Западков В. А. Последняя часть «Рассуждения о лирической поэзии» Г. Р. Дер-
жавина // XVIII век. А., 1989. Сб. 16. С. 297.

«изображение чувств» признается ее отличительной чертой), Державин удивительно верно определил особенность оды в «рассуждении» и в отсутствии картин и действия. Не менее справедливо его замечание, касающееся опасности оды «сблизиться к эпосе». Классическая торжественная ода несла в себе и эту возможность, ее использовал и развил в своем позднем творчестве В. П. Петров.⁴³

Державин же, «избрав свой совсем особый путь», повернул оду в совершенно иное русло: от эпоса к чистой лирике. Встать на этот «путь» в какой-то мере ему помогли в 1775 г. странный поэт-эпигон Фридрих и первоклассный одописец Руссо. «Особенность» пути заключалась в большой мере в том, что поэт мог говорить от своего лица, во весь голос, заглушивший всякие отзвуки ученичества и незаглушаемый временем.

---

⁴³ *Бараз А. Г.* О ломоносовской школе в русской поэзии XVIII века: Василий Петров // Учен. зап. каф. лит. и яз. Минского пед. ин-та. 1940. Вып. 1. С. 84.